

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ НЕКРОПОЛЬ ФАНАГОРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2005 г.)*

А. П. Медведев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 ноября 2010 г.

Аннотация: публикуются результаты раскопок позднеантичного некрополя Фанагории, исследованного автором в 2005 г. Большинство погребений совершены в узких грунтовых ямах, три – в подбоях, шесть – в грунтовых склепах. Они содержали массовые находки хроноиндикаторов конца IV – первой половины V в. В исследованных погребениях присутствуют собственно античные, сармато-аланские и германские черты. При этом «варварский» компонент абсолютно доминировал. Массовые материалы Восточного некрополя Фанагории раннегуннского времени не подтверждают идею континуитета материальной культуры между античностью и ранним средневековьем для Азиатской части Боспора.

Ключевые слова: Фанагория, Боспор, поздняя античность, некрополь, погребение, сарматы, готы.

Abstract: the article serves as a publication of results obtained while excavating the late ancient necropolis of Phanagoria explored by the author in 2005. Most of burials are located in narrow ground pits, three – in cuttings, six – in ground vaults. They contained large-scale findings indicating a period from late 4th – first half of 5th centuries AD. The studied burials have Greek, Sarmato-Alanian and Germanic features. At that, the «barbarian» Sarmato-Alanian component was a predominant one. Large-scale materials from the Eastern necropolis of Phanagoria dating from Early Hunnic age do not prove an idea of continuity between Antiquity and Early Middle Ages for the Asian part of Bosphorus.

Key words: Phanagoria, Bosphorus, Late Antiquity, necropolis, burial, Sarmatians, Goths.

Фанагорийский некрополь изучался с середины XIX в. К. К. Герцем, И. Е. Забелиным, В. Г. Тизенгаузеном, А. П. Смирновым, В. Д. Блаватским, М. М. Кобылиной, А. К. Коровиной, В. Д. Кузнецовым и другими именитыми археологами [1, с. 18–25]. Но, несмотря на то, что за полтора столетия раскопок здесь открыто свыше тысячи погребений, о нем известно очень мало, так как публикации материалов крайне немногочисленны и выборочны. Если они и издавались, то в лучшем случае суммарно, а чаще в научный оборот вводились отдельные находки. Достаточно сказать, что до недавнего времени целиком не было опубликовано ни одного фанагорийского погребального комплекса позднеантичной эпохи.

С каждым годом ситуация с введением в научный оборот материалов фанагорийского некрополя становится все более вопиющей, особенно на фоне активного издания результатов раскопок других античных погребальных памятников, например некрополя Танаиса – города совсем иных масштабов, нежели Фанагория. Как известно, его некрополю уже посвящены

три фундаментальные монографические работы [2; 3; 4]. Практически полное отсутствие прямых литературных свидетельств о позднеантичном Боспоре и крайняя бедность эпиграфических источников для этого времени [5, с. 233–247; 6, с. 46–47] делают задачу публикации археологических материалов некрополя Фанагории IV–V вв. еще более актуальной.

Раскоп 2005 г. заложен в центральной части Восточного некрополя, в 0,5 км к югу от южной окраины пос. Сенной. Выбор участка некрополя для раскопок был обусловлен необходимостью строительства в этом месте базы Южнороссийского центра классической археологии (Таманской археологической экспедиции). Он отстоял от восточной границы городища примерно на 1,5 км. К началу раскопок некрополь представлял собой довольно ровное плато, тянущееся с юго-востока на северо-запад, местами волнистое от недавней плантажной вспашки. Раскоп ориентирован сторонами по странам света. Первоначально он был разбит в виде правильного прямоугольника за исключением его южной стороны, ограниченной конфигурацией естественного склона плато. Общая вскрытая площадь некрополя в 2005 г. составила 2234 м².

На исследуемом участке выявлена одна и та же стратиграфия. Под современной поверхно-

* Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 10-01-00343а.

© Медведев А. П., 2011

стью на глубину 0,3–0,6 м залегал слабо гумусированный серый слой недавней распашки. В профилях бровок хорошо были видны глубокие борозды, оставшиеся от плантажного плуга. Далее на глубину 1,4–2,0 м шел слой серо-коричневой супеси, ниже переходящей в материк – желтую супесь, а в северо-западной части раскопа – в глину-белоглазку. В бортах раскопа и профилях бровок иногда удавалось проследить более светлое материковое заполнение могил и дромосов склепов. В ходе исследований Восточного некрополя в раскопе 2005 г. было открыто 41 погребение, три тризны, три надгробия, кольцевой ровик, более ранние жилые и хозяйственные сооружения, существовавшие до некрополя, а также скопления амфор и других артефактов [7, с. 148–149].

Среди открытых погребений более половины относились к позднеантичному времени. Многие из них – вырытые в мягкой супеси, лишь в северо-западной части раскопа сооружались склепы и подбои. Позднеантичные погребения залегали на уровне от 1,2 до 3,5 м от современной поверхности. Столь большая глубина многих, в том числе узких грунтовых, могил на этом участке объясняется тем, что в этой части плато уже после прекращения его использования в качестве некрополя уровень дневной поверхности был перекрыт эоловыми отложениями. Особенности грунта во многом предопределили характер использования исследованного участка некрополя. На большей части его площади встречены простые грунтовые могилы, вырытые в мягкой супеси. Лишь в северо-западной части раскопа, там, где материк составляла более плотная глина-белоглазка, сооружались позднеантичные склепы и подбои.

На этом же участке при зачистке профилей бровок на глубине около 1 м от современной поверхности зафиксированы разрезы кольцевого ровика, заполненного более светлой супесью желтоватого цвета. Укажем, что именно здесь наблюдалась наибольшая концентрация погребений IV–V вв. н.э., располагавшихся вокруг ровика. Он имел вид правильного кольца диаметром 14–15 м с заполнением из супеси желтоватого цвета, хорошо заметном на фоне коричневого материка (рис. 1). На уровне его зачистки ширина ровика составляла до полуметра. Его дно, в разрезе корытообразное, залегало на глубине около 2 м от современной поверхности и было углублено в материк на 0,05–0,35 м. В заполнении изредка встречались фрагменты керамики и кости животных, скорее всего попавшие сюда из слоя. Внутри ровика погребений или каких-либо других объектов обнаружено не

было. Большинство из них располагались вокруг него: одни (погр. 29, 38 и др.) находились непосредственно у внешнего края, другие его перекрывали. Погребение 37 совершено поперек ровика, дромос погребения 30 его прорезал, а камера склепа оказалась уже внутри его. Входная шахта подбойного погребения 32 полностью вписалась в конфигурацию ровика. Столь точное «попадание» вряд ли могло произойти случайно. Вероятно, ровик или, точнее, объект, оставивший его, еще был замечен к моменту совершения указанных позднеантичных захоронений, о чем прямо свидетельствуют факты его перекрывания могильными ямами. Складывается впечатление, что большинство погребений позднеантичной эпохи как-то были связаны с этим ровиком, тем более что захоронений других эпох здесь вовсе не было. На этом основании мы относим исследованный объект к тому времени, когда было совершено большинство окружающих его погребений.

Подобных сооружений на Северном Кавказе и в Степном Причерноморье нам неизвестно. Вряд ли этот ровик окружал древний курган – никаких следов насыпи или погребения внутри него не обнаружено. Фанагорийский ровик существенно отличался от «кругов», открытых на некрополе Илурата, выложенных из камней [8, с. 52–57]. Определенные аналогии ему обнаруживают так называемые *Kreisgräben* из грунтовых некрополей эпохи Великого переселения народов в Центральной Германии [9, с. 72–73]. Там внутри ровиков-кругов диаметром 12–14 м захоронений людей не оказалось – все они также находились на его периферии. Но эта аналогия весьма отдаленная, хотя хорошо известно, что для эпохи Великого переселения народов сам по себе фактор удаленности однотипных памятников не является препятствием для выводов об их культурной близости. Тем более, что и на некоторых более ранних черняховских могильниках Украины (Ранжевое, Каменка-Анчекрак, Чернилив Русский и др.) известны большие неиспользованные участки округлой формы, правда, без рвов.

По типам погребальных сооружений раскопанные позднеантичные захоронения Восточного некрополя распределяются следующим образом: пять совершены в склепах, три – в подбоях, остальные – в узких грунтовых ямах. Умерших хоронили на спине, вытянуто, головой, как правило, на север часто с отклонением к ССЗ. Неоднократно отмечены случаи положения кисти руки на нижнюю часть живота и перекрещенные в голенях ноги (рис. 2, а). Инвентарь большинства погребений, совершенных в узких

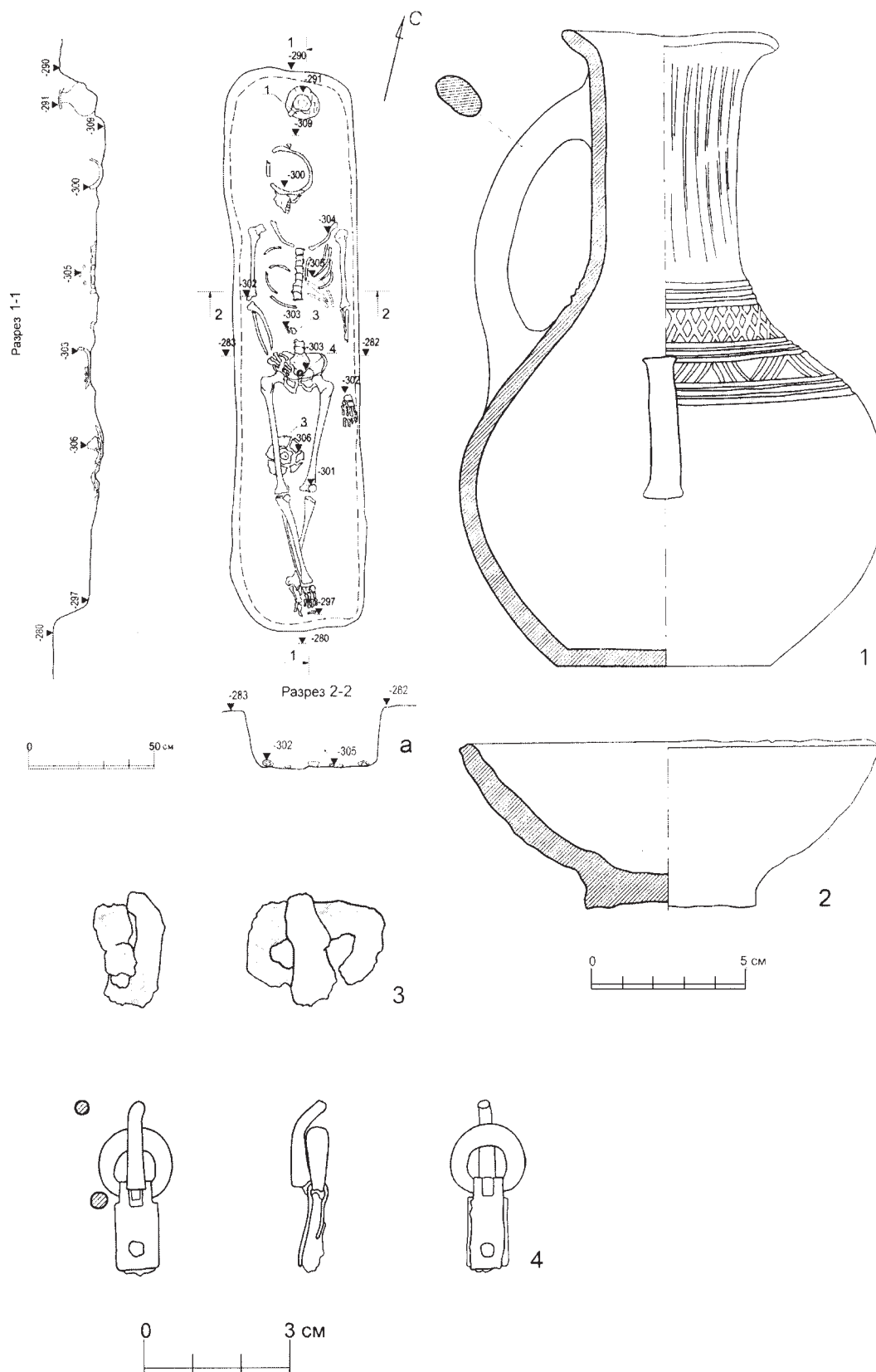

Рис. 2. Погребение 10 Восточного некрополя:

а – план и разрезы погребения: 1 – сероглиняный кувшин; 2 – миска; 3 – железная пряжка; 4 – бронзовая пряжка

грунтовых ямах, весьма беден. Обычно он представлен сероглиняными лощеными кувшинами (рис. 2, 1) и бронзовыми (рис. 2, 4), реже железными (рис. 2, 3) пряжками с массивными хоботковидными язычками, загнутыми за край рамки. В ряде случаев на дне узких ям удавалось проследить остатки органической подстилки в виде кошмы, реже подсыпки из мелкого гравия.

Подбойные погребения всегда имели входные шахты правильной удлиненно-прямоугольной формы (рис. 3, а). Подбой сделаны как с западной, так и с восточной стороны. В них хоронили на спине вытянуто головой к ССЗ, в одном случае скорченно с согнутыми в коленях ногами (погр. 29, женщина 55 лет). Инвентарь заметно богаче, чем в простых грунтовых ямах, – в двух подбоях встречены золотые украшения. Особый интерес вызывает погребение 39. В нем на дне подбоя было совершено захоронение мужчины 45–50 лет (определение М. В. Добровольской) на спине, вытянуто, головой на север с небольшим отклонением к западу. Обращает на себя внимание заметная кривизна бедренных костей, скорее всего от частой верховой езды. В его изголовье стоял сероглиняный одноручный кувшин с приземистым биконическим туловом и коротким раструбовидным горлом, покрытый пролощенным орнаментом. На шее найдено рассыпавшееся золотое ожерелье. Оно состояло из золотых круглых подвесок, украшенных по краю выпуклым точечным орнаментом вокруг знака в виде волюты, рубчатых трубочек и ромбических пронизок в виде маленьких коробочек с двумя сквозными отверстиями, которые служили для продевания нитей (рис. 4, 14). Ожерелья, составленные из точно таких же золотых украшений, известны в погребениях начала эпохи Великого переселения народов в Танаисе, Крыму, на Верхнем Дунае, в Северной Галлии и Южной Испании [10, с. 206] (рис. 6, 9, 12).

Одни исследователи считают их украшениями налобных повязок, другие – остатками обшивки горловины платья. Местонахождение в публикуемом погребении скопления золотых бляшек и пронизей под нижней челюстью и на шейных позвонках скорее подтверждает вторую точку зрения на их назначение. Традиция украшать одежду мелкими золотыми нашивными бляшками имеет давние сармато-аланские корни. Такие золотые обшивки одежд уже являлись атрибутом аристократического женского костюма ранних алан второй половины I – начала II в. н.э. При всей сложности этнокультурной атрибуции комплексов раннегуннской эпохи с подобными золотыми украшениями нам

представляется наиболее аргументированной их связь именно с аланами [11, с. 104].

На основании анализа и картографирования находок подобных украшений в Европе М. Манчинская недавно пришла к хорошо обоснованному заключению, что такие украшения скорее маркируют маршрут миграции алан на запад в самом начале V в. н.э., хорошо известный по письменным источникам [12, с. 247–255]. В этом контексте фанагорийская находка 2005 г. на сегодняшний день является самой восточной.

Все исследованные позднеантичные склепы относились к типу грунтовых, хотя ранее в фанагорийском некрополе находили и каменные. У большинства раскопанных склепов погребальные камеры располагались к югу от дромосов. Все они были ориентированы длинной осью по линии ССЗ – ЮЮВ. Дромосы имели вид правильных прямоугольных коридоров длиной 2,0–2,5 м при ширине около 1 м. В отличие от более ранних склепов римского времени, заложенных каменными плитами, они всегда имели заклады из сырцового кирпича плохого качества с включениями бытовых отходов (фрагментов керамики, костей животных и рыб и др.). Погребенные в склепах имели ту же северную ориентировку (в сторону дромоса) с незначительным отклонением к ССЗ, что и остальные позднеантичные захоронения. Обращает на себя внимание одна особенность использования исследованных позднеантичных склепов: лишь один из них (погр. 21) содержал останки четырех погребенных. В остальных склепах, в том числе с довольно большими камерами, было совершено по одному захоронению.

В этом смысле особенно показательным является воинское погребение 34 (рис. 5, а, б). Оно открыто на полу по середине большого склепа. В нем вместе с массивным железным наконечником копья (рис. 6, 1) встречен набор из шести бронзовых пряжек (рис. 6, 5–10), в том числе одна с гранатовыми вставками в стиле клуазонне (рис. 6, 5). В этом же комплексе находился распределитель ремней от обуви (рис. 6, 11), краснолаковая мисочка (рис. 6, 2) и стакан с каплями синего стекла типа I В-б классификации Н. П. Сорокиной (рис. 6, 3). Набор вещей вполне определенно позволяет датировать этот комплекс ступенью D2 средне-европейской системы хронологии, т.е. 430–450 гг. [13, с. 182]. Не свидетельствует ли это о одиночном захоронении в большой камере обмирании старой эллинской традиции коллективных погребений в связи с утверждением в Фанагории новой христианской погребальной обрядности, нацеленной на индивидуальное вос-

крещение? Тем более, что в Восточном некрополе открыты склепы с небольшими камерами, явно заранее вырубленными в расчете на индивидуальное захоронение. Например, в склепе погребения 30 был обнаружен один костяк [14, с. 168–176]. При нем встречены три бронзовые фибулы (две небольшие двупластинчатые и одна понтийская), маленькая бронзовая пряжка с утолщающейся рамкой и массивным хоботовидным язычком, бронзовый наконечник ремня, бронзовое зеркало с центральной петлей, костяная пиксида и лощеный кувшин с носиком-сливом. Это погребение интересно сочетанием античных (склеп, деревянный гроб), сармато-аланских (мел, кувшин, зеркало типа Чми-Бригацио) и германских (пара пластинчатых фибул) элементов. Скорее всего, оно принадлежит ступени D1 средневропейской системы хронологии (конец IV – первые десятилетия V в.).

Кратко остановимся на датировке остальных погребений. К числу наиболее ранних захоронений, несомненно, принадлежит погребение 17/2, где найдена римская фибула Келлер 2 А/В (рис. 4, 1). Ф. М. Преттель отнес такие фибулы к типу *Zwiebekknopffibeln 2 В* и датировал 300–340 гг. [15, с. 52–57]. Не позже конца IV в. были совершены захоронения в камере склепа погребения 21. На это указывают типы круговых сосудов при костяке 1, янтарные грибовидные бусы при костяке 2, характерные для черняховской культуры IV в., стеклянный кувшин при костяке 3, а также каплевидные золотые бляшки при костяке 4 [16, с. 96–103]. Большинство же позднеантичных погребений датируются в диапазоне D1–D2, т.е. концом IV – первой половиной V в. Их время надежно определяют массовые находки пряжек с массивным, загнутым за край рамки язычком (рис. 4, 4, 5, 7), в том числе в стиле клуазонне (рис. 4, 6), другие детали поясной гарнитуры (рис. 4, 8–9), а также бронзовые двупластинчатые фибулы (рис. 4, 2), фибула понтийского типа (рис. 4, 3), стеклянный стакан (рис. 4, 11), костяные пиксиды (рис. 4, 12) и другие хроноиндикаторы раннегунского времени. Укажем, что ни одного более позднего захоронения в раскопе 2005 г. не оказалось.

Как известно, одной из ключевых тем истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху является проблема греко-варварского взаимодействия [17, с. 6–11]. За редким исключением у современных исследователей нет сомнений в том, что именно кочевые скифы, а затем сарматы и аланы были той силой, которая во многом определяла военно-политическую ситуацию не только в степях Вос-

точной Европы, но и в окрестностях античных городов. Наиболее ярко греко-варварское взаимодействие проявилось в культуре и этническом составе населения античного Боспора. Об этом недвусмысленно свидетельствуют как письменные, так и археологические источники.

Все исследователи в той или иной степени признают присутствие сарматского, а позже аланского этнокультурного компонента среди населения позднеантичной Фанагории. Мнения сильно расходятся лишь при оценке «веса» последнего в жизни этого и других городов Азиатского Боспора. По понятным причинам следы его пребывания более всего проявляются в материалах некрополей, особенно в некоторых чертах погребальной обрядности и в наборе сопровождающего инвентаря. Новые материалы из раскопок фанагорийского некрополя позволяют существенно приблизиться к решению этой важной проблемы.

Бросается в глаза обилие сармато-аланских элементов в культуре и погребальном ритуале фанагорийского населения, совершавшего захоронения в исследованной части некрополя. Варварское сарматское начало массово проявляется в погребальной обрядности (узкие могилы, подбой, доминирующая ориентировка погребенных головой на ССЗ, перекрещенные в голенях ноги, одна из рук, положенная на нижнюю часть живота и др.). Особенно интересна многочисленная серия сероглиняных лощеных кувшинов с полыми носиками-сливами, а иногда и с зооморфными ручками (рис. 7). Чуть менее представительна группа лепной керамики, среди которой преобладали грубые горшки и лишь одним экземпляром представлены лепные миски (рис. 2, 2). Нет сомнения, что серолощенная и лепная посуда абсолютно доминировала в составе керамического комплекса той части фанагорийского населения, которую погребали на раскопанном участке Восточного некрополя. Для сравнения укажем, что красноглиняная керамика, изготовленная в античной керамической традиции, представлена в раскопках 2005 г. всего четырьмя сосудами (2 краснолаковых и 2 красноглиняных).

Складывается впечатление, что по культурному облику на исследованном участке некрополя были погребены скорее варвары, по культуре и обрядности близкие поздним сарматам, нежели эллины-боспоряне. Большинство исследованных погребений отличало наличие вышеперечисленных «варварских» признаков. В то же время следует обратить внимание на то, что в фанагорийском некрополе пока не встречено ни одной Т-образной катакомбы, характерной

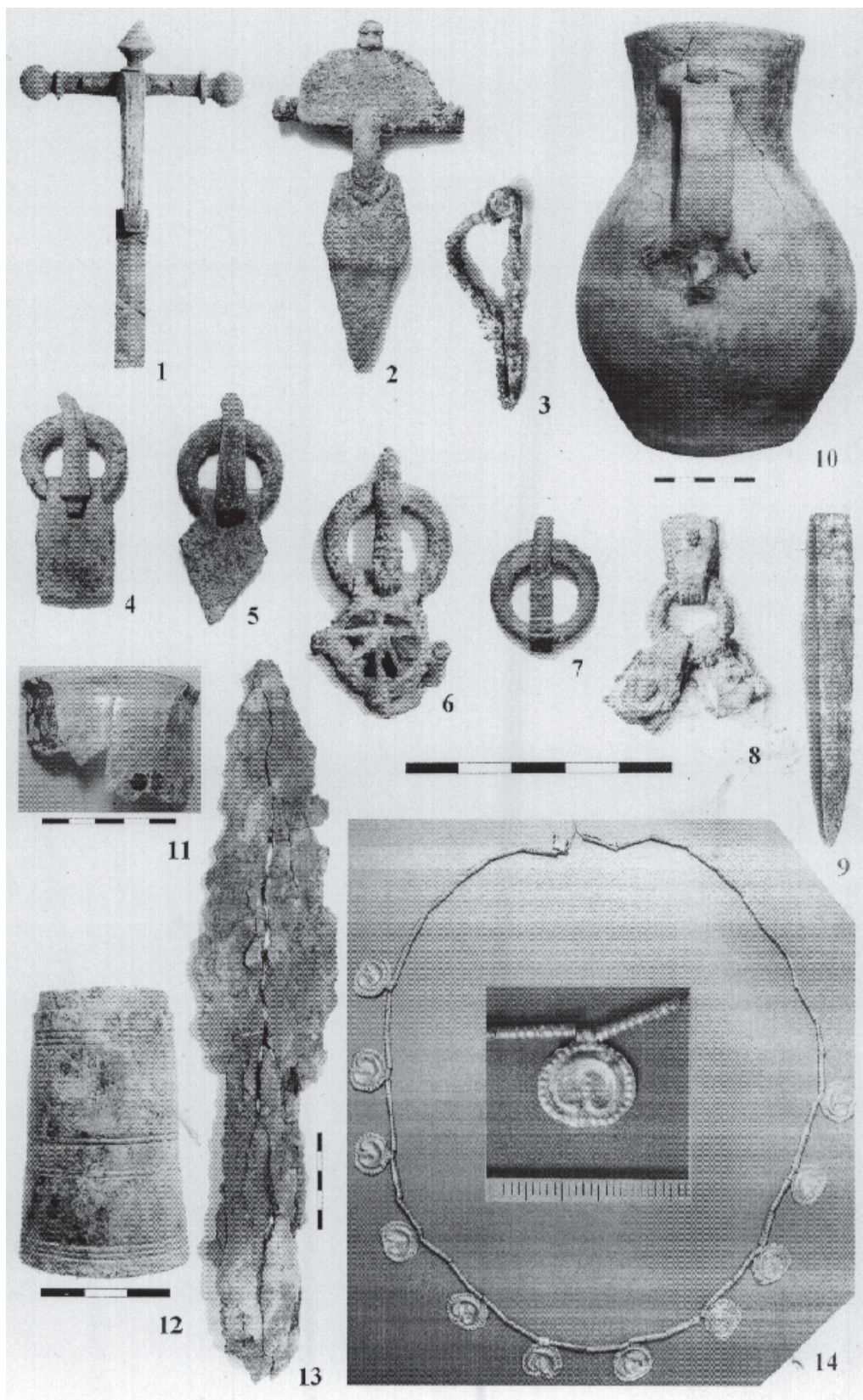

Рис. 4. Инвентарь позднеантичных погребений Восточного некрополя:

1 – бронзовая фибула (погр. 17/2); 2–3 – бронзовые фибулы (погр. 30); 4–7 – бронзовые пряжки (4 – погр. 1; 5 – погр. 3; 6 – погр. 34; 7 – погр. 41); 8 – бронзовый распределитель ремней (погр. 34); 9 – бронзовый наконечник ремня (погр. 30); 10 – лепной кувшин (погр. 32); 11 – стеклянный стакан (погр. 34); 12 – костяная пиксида (погр. 30); 13 – железный наконечник копья (погр. 34); 14 – золотое украшение (погр. 39)

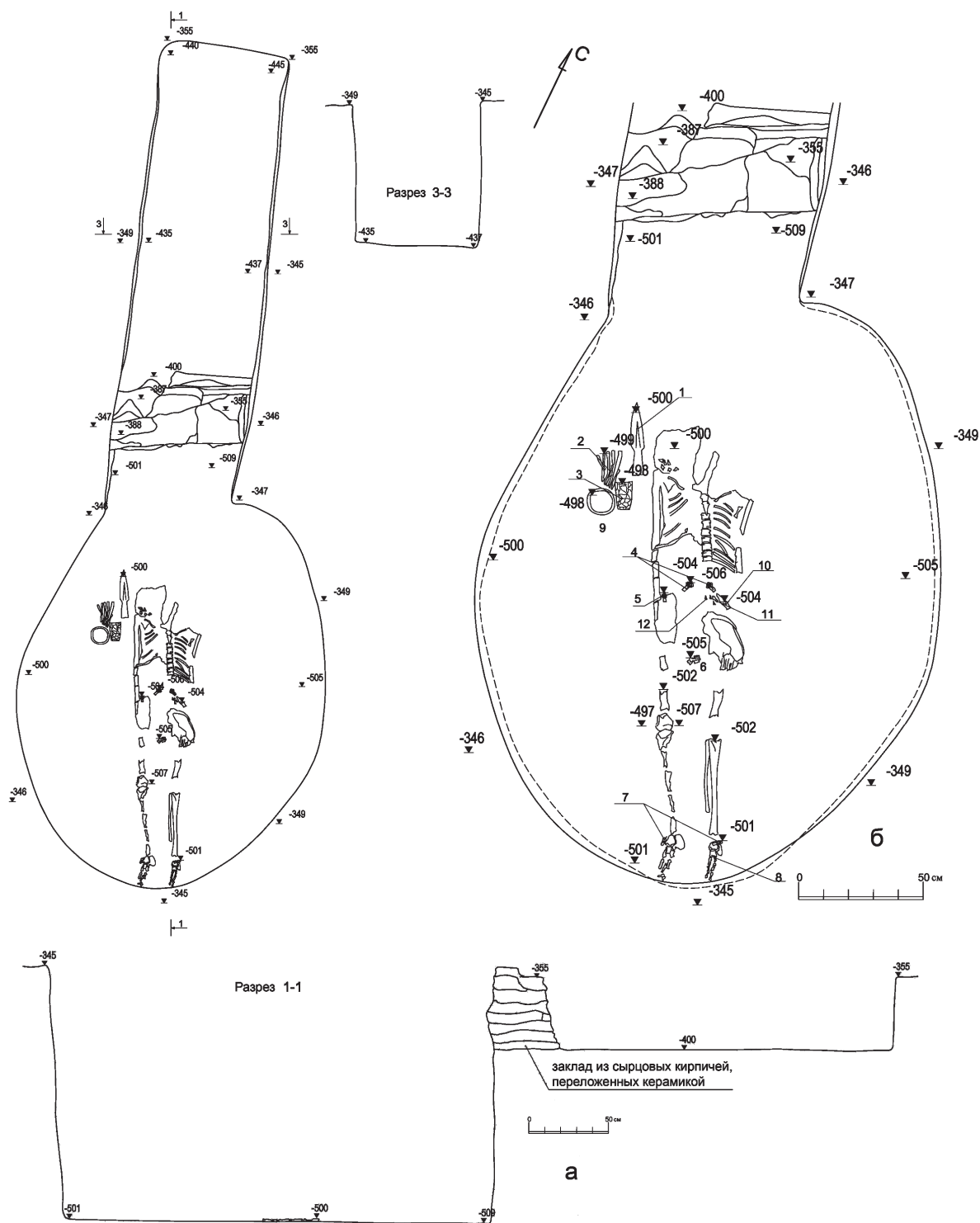

Рис. 5. Погребение 34 Восточного некрополя:

а – план и разрезы склепа; б – план камеры склепа: 1 – железный наконечник копья; 2 – кости барана; 3 – стеклянный стакан; 4 – пара бронзовых портупейных пряжек; 5 – малая бронзовая пряжка; 6 – бронзовая пряжка с накладкой клуазонне; 7 – бронзовые обувные пряжки; 8 – бронзовый распределитель ремней обуви; 9 – краснолаковая миска; 10 – железный нож; 11 – серебряная накладка; 12 – серебряная заклепка

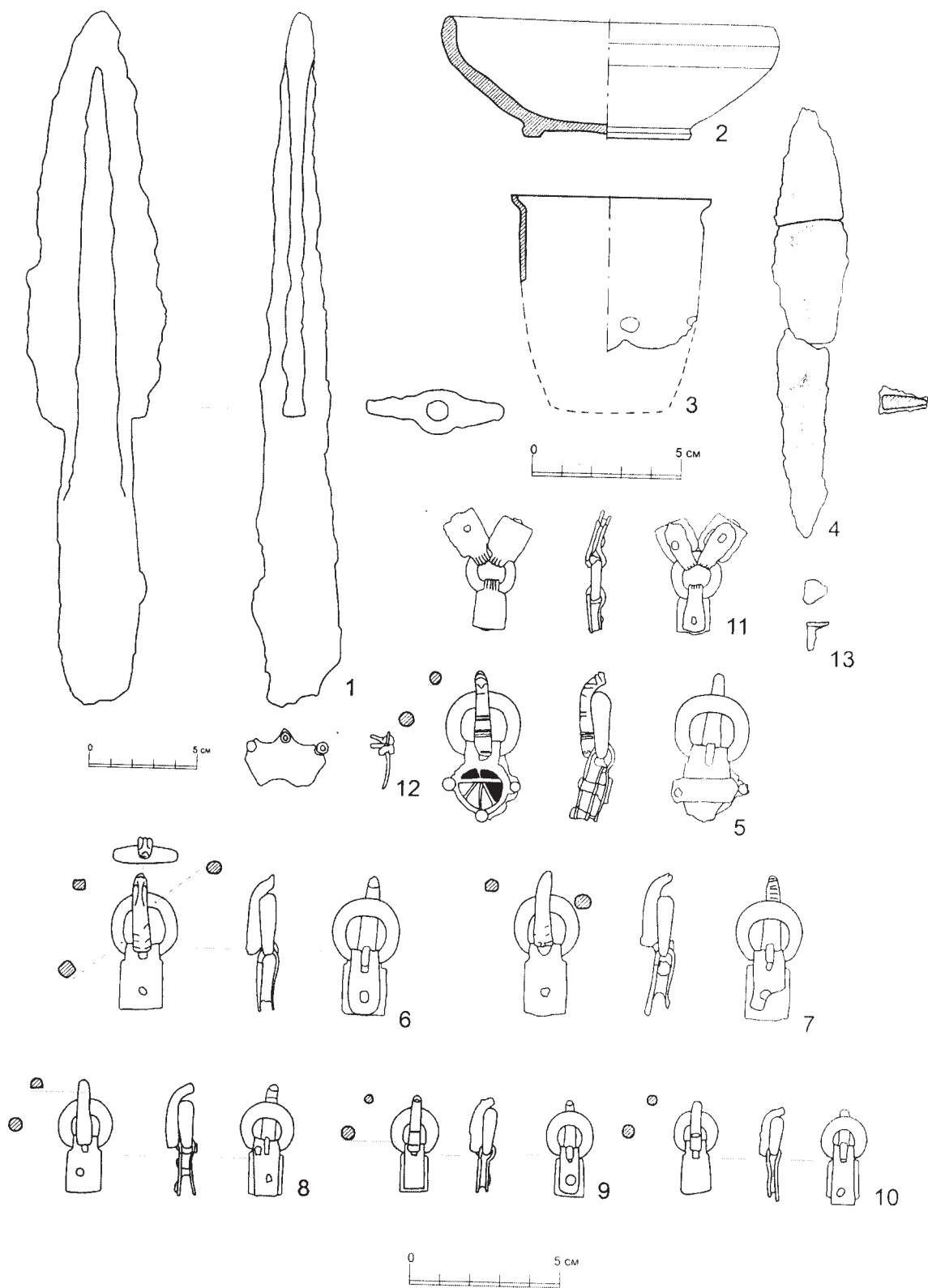

Рис. 6. Погребение 34. Сопровождающий инвентарь:

1 – железный наконечник копья; 2 – краснолаковая миска; 3 – стеклянный стакан; 4 – железный нож; 5 – бронзовая пряжка с накладкой, украшенной гранатовыми вставками; 6–10 – бронзовые пряжки; 11 – бронзовый распределитель ремней; 12 – серебряная накладка; 13 – серебряная заклепка

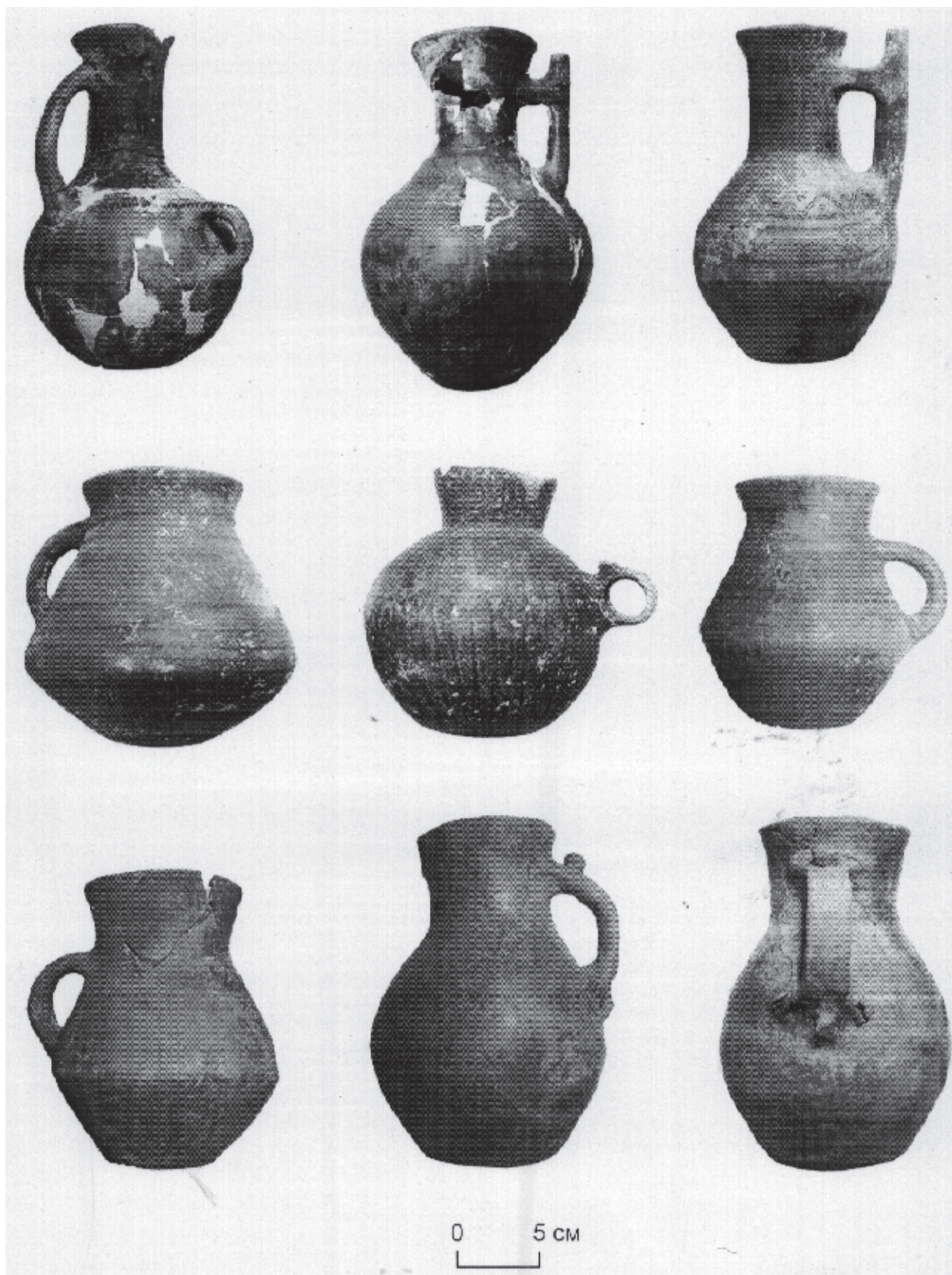

Рис. 7. Серолощенные кувшины из погребений Восточного некрополя

для центрально-кавказских алан и алан-танаитов IV в. до н.э. [18, с. 80–87]. Обращает на себя внимание еще одна важная особенность исследованной части Восточного некрополя Фанагории. Хотя большинство раскопанных захоронений датируется раннегуннским временем, никаких специфически гуннских элементов в их инвентаре или обряде обнаружить не удалось. Повидимому, в составе населения Фанагории, по крайней мере до середины V в., гуннов еще не было. Фанагорийский материал не подтверждает и гипотезу В. П. Яйленко о раннем присутствии на Боспоре «гунно-болгар», опирающуюся на авторский анализ ономастики одной из поздних надписей Гермонассы [19, с. 325]. Ни одного погребения столь раннего времени с гуннскими или праболгарскими чертами здесь неизвестно.

Не исключено, что исследованные в 2005 г. погребения были оставлены потомками тех самых греко-сарматов, которых упомянул христианский епископ Ипполит Портский [20]. [«А сарматов племена и» поселения: амаксобии, греко-сарматы...»*. Обратим внимание на последний этноним «греко-сарматы». Разумеется, его можно было бы считать искусственным конструктом, своего рода «мнимой реальностью», существовавшей лишь в голове раннехристианского писателя и его современников. Тем более что в античной географической традиции Причерноморья можно найти подобные смешанные этнонимы-гибриды, начиная с «эллино-скифов» Геродота, «гольтескифов» Иордана и кончая «гото-греками» Теофраста. Однако сам факт открытия в Восточном некрополе Фанагории (да и в других городах Боспора) серии позднеантичных погребений с сарматскими чертами и смешанным греко-сарматским погребальным обрядом еще раз заставляет задуматься об истинном этническом облике жителей этого города в переходную эпоху от Античности к Средневековью [21, с. 249–250].

Появление в Фанагории новой большой волны сармато-аланских переселенцев связывают с событиями сер. III в. н.э. и в первую очередь с нападением варварских племен, если не разрушивших, то сильно расшатавших боспорскую государственность. Дело доходило до того, что временами власть на Боспоре захватывали цари, носившие «говорящие» сармато-аланские имена: Фофорос, Ининфимей, Фарсанз [22, с. 207]. Однако новый массовый приток сармато-алан-

ского населения в Фанагорию мог быть связан, по нашему мнению, и с более поздним событием – гуннским вторжением конца IV в., которое неминуемо должно было вытеснить прежних степных владык с их основной территории обитания. Скорее всего, именно эти пришельцы, влившиеся в состав населения позднеантичной Фанагории, и придали ей ту выраженную варварскую окраску, которая нашла отражение в материалах позднеантичного некрополя. Вероятно, поэтому далеко не случайно в V в. доля иранских имен в просопономике Боспора возрастает максимально – до 30 % [6, с. 98].

Помимо сармато-аланского в Восточном некрополе Фанагории просматривается готский или, точнее, восточногерманский культурный компонент. На его присутствие в некрополях позднеантичного Боспора, в том числе в Фанагории, начиная со ступени С2, внимание обращалось и ранее [23, с. 277–297; 24, с. 171]. В исследованных в 2005 г. комплексах он ярче всего проявился в погребении 30, где найдены две бронзовые двупластинчатые фибулы, близкие типу Виллафонтана. Для эпохи Великого переселения народов обычай застегивать одежду парой одинаковых фибул на груди считается проявлением древнегерманской традиции [25, с. 68; 26, с. 124–125]. В то же время присутствие в склепе мела, кремневого отщепы, лощеного кувшина с носиком-сливом и зеркала с центральной петлей свидетельствует о сохранении ряда признаков местной сармато-аланской традиции. При этом само захоронение совершенно в склепе в гробу, что указывает на живучесть античной погребальной обрядности. Она проявляется и в других чертах обряда, в частности в языческой традиции оставлять покойному «обол Харона» (погр. 27).

Раскопки 2005 г. наглядно показали, какой была массовая культура и погребальная обрядность фанагорийцев позднеантичной эпохи или, точнее, той их части, которую хоронили на Восточном некрополе. Сейчас можно определено утверждать, что на исследованном участке некрополя в конце IV – первой половине V в. погребали людей, которые по своей материальной культуре и обрядности скорее были варварами, нежели греками. Представляется, что массовые материалы Восточного некрополя Фанагории раннегуннского времени из раскопок 2005 г. не подтверждают концепции континуитета между античностью и ранним средневековьем [27], по крайней мере в области материальной культуры Азиатского Боспора. На наш взгляд, они ярко демонстрируют результаты сложных этнокультурных процессов ассимиля-

* Слова в скобках отсутствуют в рукописях *Liber generationis* и представляют интерполяцию в текст источника его издателем А. Ризе. Приведенное свидетельство цитируется в переводе по изданию В. В. Латышева.

ции и интеграции греков и варваров на Азиатском Боспоре в первые века н.э., которые в позднеантичную эпоху приобрели уже необратимый характер. По-видимому, были правы те исследователи, которые считали, что именно внедрение варварского, прежде всего, сарматского этнического массива во многом способствовало сохранению жизни Фанагории в условиях значительного политико-экономического упадка Боспора в IV в. н. э. [28, с. 119]. Представляется, что новейшие археологические материалы из Фанагории во многом подтверждают старое заключение М. И. Ростовцева, высказанное 90 лет назад: «Создавалось новое население и новая культура. Две струи, греческая и скифо-сарматская, слились, пока и ту и другую не залили волны германских, тюркских, славянских племен, которым принадлежало будущее» [29, с. 186].

Изданные в этой статье материалы и затронутые в связи с их открытием темы составляют лишь незначительную часть фонда источников (и проблем), открывшихся перед исследователями в результате наших раскопок некрополя Фанагории. В силу понятных причин в данной публикации они очерчены лишь самыми широкими мазками. Здесь пока не открыто таких богатых погребений местной знати, как на Боспоре [30, с. 23–104]. Но научная ценность фанагорийских материалов заключается прежде всего в серийности и максимально полной фиксации деталей погребальной обрядности и сопровождающего инвентаря. Сейчас насущной задачей является подготовка полной публикации результатов новейших археологических раскопок Восточного некрополя Фанагории. Надеемся, что через несколько лет эта трудоемкая работа будет завершена коллективом воронежских и московских археологов, и материалы Восточного некрополя Фанагории наконец-то займут свое достойное место в публикациях по античной археологии Северного Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фанагория / под общ. ред. В. Д. Кузнецова. – М., 2008.
2. Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.) / Д. Б. Шелов // МИА. – 1961. – № 98.
3. Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса / Т. М. Арсеньева. – М., 1977.
4. Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса (раскопки 1981–1995 гг.) / Т. М. Арсеньева, С. И. Безуглов, И. В. Толочко. – М., 2001.
5. Виноградов Ю. Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия / Ю. Г. Виноградов // ВДИ. – 1998. – № 1.

6. Болгов Н. Н. Закат античного Боспора / Н. Н. Болгов. – Белгород, 1996.

7. Медведев А. П. Новые материалы по истории и культуре античной Фанагории (из раскопок Восточного некрополя в 2005–2007 гг.) / А. П. Медведев // Норция. – Воронеж, 2009. – Вып. 6.

8. Хршановский В. А. «Башни», «круги», «святостища» / В. А. Хршановский // Боспорский феномен : греческая культура на периферии античного мира. – СПб., 1999.

9. Schmidt B. Die späte Völkervanderungszeit in Mitteldeutschland / B. Schmidt. – Halle/Saale, 1961.

10. Хайрединова Э. Костюм варваров V в. по материалам могильника у села Лучистое в Крыму / Э. Хайрединова // Сто лет черняховской культуре. – Киев, 1999.

11. Безуглов С. И. О культурно-исторических связях населения Танаиса в эпоху переселения народов (по материалам погребений) / С. И. Безуглов, И. В. Толочко // ДБ. – М., 2006. – Вып. 10.

12. Mączyńska M. La question de l'origine des pendeloques en forme de lunules à décor au repoussé de l'époque des grandes migrations / M. Mączyńska // La Méditerranée et le monde mérovingien: témoins archéologiques. – Aix-en-Provence, 2005.

13. Медведев А. П. Воинское погребение из Восточного некрополя Фанагории / А. П. Медведев // Ostrogotika. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. – Харьков, 2009.

14. Медведев А. П. Два позднеантичных склепа Восточного некрополя Фанагории / А. П. Медведев // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. – СПб., 2009.

15. Pröttel Ph. M. Zur Chronologie der Zwiebelknopffibeln / Ph. M. Pröttel // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Teil 1. – Mainz, 1988.

16. Медведев А. П. Позднеантичное погребение из раскопок Восточного некрополя Фанагории в 2005 г. / А. П. Медведев // Археология, древний мир, средние века. – Ростов н/Д, 2010. – Вып. 4.

17. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / под ред. К. К. Марченко. – СПб., 2005.

18. Безуглов С. И. Аланы-танаиты : экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии / С. И. Безуглов // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. – Азов, 1990. – Вып. 9.

19. Яйленко В. П. Гунно-болгары II–V вв. на Боспоре по данным эпиграфики и антропоники / В. П. Яйленко // ДБ. – М., 2002. – Вып. 5.

20. Geographi latini minores / ed. A. Riese. – Neilbronnae, 1878.

21. Медведев А. П. О греко-сарматах позднеантичной Фанагории / А. П. Медведев // Нижне-

волжский археологический вестник. – Волгоград, 2009. – Вып. 10.

22. Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора / Я. Харматта // Античное общество, – М., 1967.

23. Казанский М. Готы на Боспоре Киммерийском / М. Казанский // Сто лет черняховской культуре. – Киев, 1999.

24. Казанский М. М. Золотая гривна из Фанагории : о германцах на Боспоре Киммерийском в позднеримское время / М. М. Казанский, А. В. Мاستыкова // VIII Bosporian Readings. The Simmerian Bosporus and barbarian world in the period of Antiquity and Middle Ages. Sanctuaries and sacred objects. – Kerch, 2007.

25. Магомедов Б. Черняховская культура : проблема этноса / Б. Магомедов. – Lublin, 2001.

26. Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1. – 7. Jahrhundert (Versuch einer Bilanz) / V. Bierbrauer // Frühmittelalterliche Studien. – Berlin ; New York, 1994. – Bd 28.

27. Болгов Н. Н. Культурный континуитет в Северном Причерноморье IV–VI вв. / Н. Н. Болгов. – Н. Новгород, 2002.

28. Кобылина М. М. Фанагория / М. М. Кобылина. – М., 1989.

29. Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России / М. И. Ростовцев. – Пг., 1918.

30. Засецкая И. П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н.э. / И. П. Засецкая // МАИЭТ. – Симферополь, 1993. – Вып. 2.

Воронежский государственный университет

Медведев А. П., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира

E-mail: APM1950@yandex.ru

Тел.: 8(473) 239-29-35

Voronezh State University

Medvedev A. P., Doctor of the Historical Sciences, Head of Archaeology and Ancient History Department

E-mail: APM1950@yandex.ru

Tel.: 8(473) 239-29-35